

Сказки казаков-некрасовцев. Запись, вступительная статья и комментарии Ф. В. Тумилевича. Ростов н/Д, 1945, 120.

В Краснодарском крае, на хуторах Новонекрасовском, Новопокровском и Потемкинском жуют казаки-некрасовцы — потомки донских казаков, в начале XVIII в. принимавших участие в известном восстании К. Булавина. Игнат Некрасов — видный участник этого движения — возглавлял его после смерти Булавина.

Социальный характер восстания Булавина и Некрасова явствует хотя бы из следующего «прелестного письма», т. I воззвания одного из некрасовских атаманов: «нам дело до бояр, которые неправду делают, а вы, голытьба, идите со всех городов, конные и пешие, нагие и босые, идите не опасайтесь!».

В 1708 г. Некрасов потерпел поражение, увел свои войска на Кубань, в то время подвластную Турции. Позже некрасовцы переселились к устьям Дуная и, наконец, обосновались недалеко от Мраморного моря на озере Майное, где прожили до 1912 г., когда первая группа их вернулась на родину. В 1924 и 1926 гг. вернулись в Россию еще две партии переселенцев. Советское правительство отдало некрасовцам плодородные земли на Кубани в Приморско-Ахтарском районе. В 1934 г. некрасовцы организовали там два колхоза «Красное Знамя» и «Красная Звезда».

В Турции некрасовцы, живя в чужеродном окружении, строго придерживались своих законов и обычаев. Из уст в уста, от поколения к поколению передавались заветы Игната Некрасова, на основании которых строилась своеобразная жизнь казачьей общины, отгороженной высоким каменным дузалом (стеной) от Туретчины и всех соблазнов чужой земли. Некрасовцы сохранили свой язык, своеобразие своей культуры, сохранили песни и сказки, принесенные их отцами в XVIII в. с далекой родины «с Дону великого»; свято берегли они легенды и предания об Игнате Некрасове.

Фольклор некрасовцев, за исключением нескольких песен, записанных в XIX в. русскими путешественниками, до последнего времени не был собран и изучен.

Несколько лет тому назад доцент Ростовского Педагогического института Ф. В. Тумилевич приступил к систематическому изучению истории, быта и фольклора некрасовцев. Им написано восемьсот песен, двести пятьдесят сказок и целый ряд исторических легенд и преданий, былин, исторических песен и духовных стихов.

Собирателю удалось встретиться с замечательными носителями фольклора, подлинными мастерами устно-поэтического творчества, как, например, песенник и сказочник Семен Фатеевич Шашкин 92 лет, бывший ходоком в Россию по вопросам переселения некрасовцев из Турции, или Татьяна Ивановна Капустина 80 лет, от которой записано 175 песен, 50 сказок, несколько былин и духовных стихов.

Записи Ф. В. Тумилевича представляют огромный интерес как для историков (ибо история некрасовского движения до сих пор мало изучена), так и для литературоведов, так как этот материал дает возможность разрешить целый ряд проблем, связанных с историей тех или иных песенных текстов.

В силу замкнутости жизни некрасовцев, изолированности их в иноязычной среде, фольклор их как бы законсервировался; в репертуаре стариков-некрасовцев встречаются тексты замечательной сохранности, порой вывываются чрезвычайно архаические черты. Большой интерес представляет фольклор казаков-некрасовцев, стоящий на высоком художественном уровне, и для широкого круга читателей.

Ростовское областное издательство выпустило небольшую книгу, содержащую всего двадцать текстов — «Сказки казаков-некрасовцев». Книга эта дает лишь слабое представление о всем богатстве и многообразии того устно-поэтического богатства, хранителями которого являются старики-некрасовцы.

Однако и эта скромная книжечка является ценным вкладом в сказковедение и вместе с тем увлекательной книгой для чтения. Общеизвестные сказки, представленные в сборнике, такие, как «Кот, котенок и лиса» или «Мороз и мачехина дочь», как «Сват-Разум» или «Бисеринка», радуют своей свежестью, полнотой и сохранностью вариантов, оригинальностью интерпретации, своеобразием интонации.

Интересны сказки, несомненно, восточного происхождения, как «Аскер-девка» или «Иван и Хажия-баба», полностью русифицировавшиеся в передаче некрасовских сказочников.

К сборнику приложены биографии сказочников и их портреты, что очень повышает его ценность. К сожалению, комментарии к сказкам сделаны неумело и небрежно, ничего не давая ни специалисту, ни широкому читателю.

Хочется думать, что небольшой сборник, выпущенный Ростовским издательством, является починком в деле публикации фольклора казаков-некрасовцев и что советские читатели в ближайшее время получат возможность познакомиться с этим в высшей степени интересным и ценным материалом во всем его объеме.

Э. Гофман-Померанцева

М. Р. Голубкова. Два века в полвека. Советский писатель, 1946, 332.

Автор повести «Два века в полвека» — известная печорская песенница и воленица Маремьяна Романовна Голубкова. Повесть эта — устная автобиография сказительницы, записанная с ее слов писателем Н. П. Леонтьевым. В книге четыре части:

это — четыре этапа жизни Голубковой и вместе с тем — новые этапы жизни той глухой деревеньки на Печоре, где родилась и выросла сказительница, это — новые этапы жизни всей страны. В ткань повести влетают тексты причетов, заговоров, детских игр, свадебных и лирических песен, редким знатоком и мастерским исполнителем которых является Голубкова.

Голубкова не только хранительница традиционного фольклора, но и создательница целого ряда новых произведений — сказов о Нарьян-Маре, о всенародных выборах, о сельскохозяйственной выставке, плача о Кирове. О своей работе над этими новыми произведениями она рассказывает в своей автобиографии.

Дарование сказительницы было открыто Н. П. Леонтьевым, записавшим ее репертуар и автобиографию, которую он и подготовил к печати. Путем сотрудничества писателя и сказительницы создано крупное художественное произведение, дающее вместе с тем интереснейший материал для исследователей народного быта и народного искусства.

Э. Г.

НАРТОВСКИЙ ЭПОС

В. И. Абаев. Из осетинского эпоса. Издательство АН СССР, М.—Л., 1939, 134.
И в. Джанаев. Сказания о нартах. Госиздат Северо-Осетинской АССР, Орджоникидзе, 1941, 37.

Нарты, Осетинский народный эпос. Материал собрали и обработали Багаев Э., Ванев З., Туганов М., Шавлохов М., Плиев Х., Санакоев П., Качмазов И. и Чочиев Р. Госиздат Юго-Осетии, Сталинир, 1942, 501.

Сказания о нартах. Из эпоса осетинского народа. Перевод и вступительная статья В. Дынкин. ГИХЛ, М., 1944, 79.

Менее чем за пять лет наши издательства в центре и на местах выпустили в свет четыре книги, посвященные героическому нарттовскому эпосу народов Северного Кавказа. Такой интерес к одному из величайших эпических произведений мира, причем только к осетинскому его варианту, свидетельствует о богатстве и живучести северокавказской народной старины, которая была обречена буржуазной этнографической наукой на вымирание и исчезновение.

Изучение нарттовского эпоса началось во второй половине XIX в., когда, в 1868 г., академик Шифнер включил в свои «Осетинские тексты» некоторые нарттовские варианты, дав этим толчок к собиранию и сравнительному их изучению. Вслед за текстами Шифнера последовали публикации В. Б. Пфафа (1871), братьев Шанаевых (1871—1876), В. Ф. Миллера (1881), А. Кайтмазова (1889), В. Ф. Миллера (1902.— дигорские сказания), А. Кубалова (1906) и многих других. Особенно большой размах получило дело собирания и публикации нарттовского эпоса в советское время. С 1925 по 1936 г. изданы многочисленные «Памятники народного творчества Осетии» и сборники с нарттовскими текстами, записанными в разных местах Северной и Южной Осетии. Работы русских ученых привлекли внимание к нартам и многих зарубежных исследователей Кавказа. Среди них следует отметить Г. Гюбшмана (в ZDM, 9, 41 т. за 1887 г.), А. Дирра (Kaukasische Märchen, Jena, 1922) и Г. Дюмезиля (Légendes sur les Nartes, Paris, 1930).

Имя нарт (богатырь) и нарттовские сказания хорошо известны, кроме осетин, всем другим народам Северного Кавказа — кабардинцам, адыгейцам, карачаевцам, аварцам, кумыкам и прочим дагестанским народам, а в вариантах встречаются и в Закавказье, в том числе в Армении. Многие северокавказские народы хранят традицию о том, что раньше нынешнего поколения людей в их странах жили богатыри-нарты, совершавшие различные подвиги силы и храбрости. Многие нарттовские имена — общие у осетин и кабардинцев (Хамиц, Созруко, Батрадз, Сирдон и хитроумная богатырша Сатана), а их действия приурочиваются к известным географическим местностям, причем указываются следы пребывания богатырей в своих областях (ср. предание о происхождении осетинского святилища Реком и карачаевского замка Чуана). На основании этих фактов, а также целого ряда других литературных свидетельств, нарттовский эпос можно назвать по месту возникновения северокавказским. Однако вопрос о том, какой именно из северокавказских народов создал главные типы нарттов, остается до сих пор невыясненным. Это тем более трудно выяснить, что многие личности богатырей давно знакомы соседним народам. «Многовековое соседство — справедливо замечает В. Ф. Миллер, — одинаковый склад жизни, постоянные военные и мирные сношения, — все это распространило одни и те же нартские типы и эпические мотивы на равнине Северного Кавказа, откуда впоследствии и перешли в горы. Вследствие географических условий склад жизни на Северном Кавказе не изменялся в течение многих столетий»¹.

Существует мнение, что создателями нарттовского эпоса были предки современных

¹ В. Ф. Миллер, Черты старины в сказаниях и быте осетин. Журнал Министерства народного просвещения, 1882, стр. 195.